
И19 01/18

К. Я. Гротъ

ВЛАДИМИРЪ ИВАНОВИЧЪ

ЛАМАНСКІЙ

(† 19 ноября 1914 г.)

ПЕТРОГРАДЪ
1915

К. Я. Гротъ

ВЛАДИМИРЪ ИВАНОВИЧЪ

ЛАМАНСКІЙ

(† 19 ноября 1914 г.)

ПЕТРОГРАДЪ
1915

 Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

Россія и русское общество, кажется, только теперь вступаютъ въ ту историческую фазу, на ту ступень своего національнаго развитія, когда роль и духовное наслѣдіе такихъ сыновъ ихъ, какъ только что почившій ученый, писатель и дѣятель, могутъ надѣяться получить и въ широкихъ кругахъ вѣрную, сколько-нибудь полную оцѣнку.

Глубокая старость, болѣзнь и постепенное увяданіе силъ и организма В. И. Ламанскаго въ послѣдніе годы его жизни не дали ему возможности принимать живое и дѣятельное духовное участіе во всемъ томъ, что переживали Россія и славянство въ минувшія пять-шесть лѣтъ. Голосъ его, нѣкогда столь отзывчивый, громкій и смѣлый, постепенно замолкъ, талантливое перо его перестало работать, и въ нашемъ всегда нѣсколько «лѣнивомъ и нелюбопытномъ», забывчивомъ и довольно равнодушномъ къ своимъ лучшимъ людямъ обществѣ, а вмѣстѣ и въ печати—имя знаменитаго слависта стало встрѣчаться и упоминаться все рѣже: увы, живого—его уже какъ будто стали забывать!

Лично для Владиміра Ивановича—насколько онъ это сознавалъ,—для его близкихъ, друзей и почитателей—это было тяжело и въ своемъ родѣ трагично, и въ этомъ отношеніи надо признать, что смерть, пресѣкшая жизнь человѣка въ пору живой и кипучей его дѣятельности, въ дни вліянія и популярности, всегда производитъ гораздо большее впечатлѣніе, заставляетъ о себѣ больше говорить, а потому въ общественномъ отношеніи какъ будто выгоднѣе и завиднѣе...

Я позволяю себѣ, поэтому, думать, что если бъ Провидѣніе отняло у насъ В. И. Ламанскаго ранѣе, хотя бы съ пятокъ или десятокъ лѣтъ тому назадъ, то, вѣроятно, дѣйствительно, это событіе въ текущей жизни, и особенно въ нѣкоторыхъ кругахъ общества почувствовалось бы острѣе и сильнѣе, вызвало бы болѣе общественнаго вниманія и, пожалуй, газетнаго злободневнаго шума, чѣмъ нынѣ... Но я не сомнѣваюсь въ томъ, что нынѣшнее время, что переживаемые нами историческіе дни несравненно благопріят-

нѣе для того, чтобы масса русскаго общества сознательно и вдумчиво отнеслась къ кончинѣ Владимира Ивановича, отдала себѣ ясный отчетъ въ понесенной нами потерѣ и оцѣнила, хотя бы въ той мѣрѣ, въ которой это ей нынѣ доступно, великое значеніе и великіе плоды ушедшей отъ насъ жизни и личности.

Въ знаменательномъ совпаденіи этой тяжелой утраты, а слѣдовательно и подведенія итоговъ и возможно полной оцѣнки замѣчательной жизни, дѣятельности и трудовъ В. И. Ламанскаго съ переживаемыми нынѣ великими для Россіи и славянства событіями, съ разразившейся гигантской, рѣшительной и, Богъ дастъ, побѣдоносной кровавой схваткой ихъ съ германствомъ нельзя, сдается мнѣ, не видѣть всепредопредѣляющей руки Провидѣнія!

Про Ламанскаго мало сказать, что онъ былъ большой, очень много сдѣлавшій для своей родины и для науки человѣкъ и что, какъ «большому кораблю», ему судьбой было опредѣлено и «большое плаваніе».

Имя Ламанскаго говоритъ намъ больше этого. Онъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ тѣмъ избраннымъ, рѣдкимъ людямъ, которыхъ жизнь и дѣятельность представляютъ и знаменуютъ цѣлую эпоху, которые, прокладывая своими трудами и умственнымъ творчествомъ глубокія борозды на нивѣ культурнаго развитія своего народа и обильно засѣвая эту ниву, не успѣваютъ, однако, пожать плоды своихъ усилій,—которые обыкновенно остаются не оцѣненными и не признанными въ настоящемъ, но сознательно готовятъ почву и работаютъ для будущаго своей родины... Современники рѣдко умѣютъ ихъ понять: въ широкихъ кругахъ общества они слывутъ часто чуть ли не отсталыми, благодаря хотя бы своему особому интересу къ національной старинѣ, фантастами, неисправимыми идеалистами-мечтателями, людьми не отъ міра сего (какъ это было и съ московскими славянофилами, къ которымъ идейно примыкалъ Владимиръ Ивановичъ), но въ дѣйствительности они оказываются наиболѣе передовыми, дальновидными и яркими провозвѣстниками грядущаго развитія и судебъ своего народа.

Такъ и истинная оцѣнка Ламанскаго, во всей совокупности имъ сдѣланнаго, большой массой нашего общества можетъ и должна начаться только теперь, съ широкимъ подъемомъ въ послѣднемъ національнаго самопознанія и съ началомъ осуществленія тѣхъ завѣтныхъ думъ и стремленій, которыя одушевляли почившаго...

Но это усвоеніе нынѣшнимъ поколѣніемъ русскихъ людей духовнаго наслѣдія нашего ученаго писателя-мыслителя не можетъ произойти быстро и безъ извѣстныхъ усилій. Это наслѣдіе должно стать легко доступнымъ для изученія широкимъ кругамъ, а для этого оно должно быть тщательно собрано и переиздано, чего и должно ждать отъ одного изъ нашихъ ученыхъ учрежденій, всего

скорѣе отъ академіи наукъ, и надо желать, чтобъ это дѣло не откладывалось въ долгій ящикъ, ибо время для него приспѣло.

Въ настоящей краткой поминкѣ мнѣ хочется приподнять хоть слегка завѣсу надъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ и воскресить сколько-нибудь передъ русскими читателями духовный образъ почившаго нашего учителя, подѣлившись съ ними также нѣсколькими личными моими впечатлѣніями и воспоминаніями.

Унаслѣдовавъ культурныя традиціи рода и семейную талантливость, отличавшую также и снискавшихъ себѣ заслуженную извѣстность его братьевъ [1]), Владиміръ Ивановичъ рано инстинктивно созналъ свои огромныя дарованія, свое истинное призваніе и сумѣлъ избрать вѣрный путь, которымъ неуклонно шелъ всю жизнь. Этотъ путь опредѣлился самъ собою—смолоду горѣвшею въ его душѣ беззавѣтною любовью къ родинѣ и русскому народу, глубокимъ интересомъ къ ихъ всестороннему научному познанію и горячимъ благороднымъ стремленіемъ принести всю возможную въ предѣлахъ его силъ пользу родной наукѣ, отечественному просвѣщенію и общественному развитію.

Какъ большая часть молодежи того времени, Владиміръ Ивановичъ рано кончилъ гимназію (петроградскую первую гимназію), лѣтъ семнадцати поступилъ въ петроградскій университетъ, который кончилъ уже въ 1854 году (онъ родился 26-го іюня 1833 г.), представивъ на медаль прекрасную работу «О языкѣ Русской Правды», удостоенную серебряной медали [2]) и получивъ кандидатскій дипломъ. Въ томъ же году началась его научно-писательская дѣятельность, и онъ вступилъ въ ряды энергичнѣйшихъ ученыхъ работниковъ не только въ тиши своего кабинета, но и на общественно-научномъ поприщѣ—въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ—секретаремъ этнографическаго отдѣленія.

Первымъ печатнымъ трудомъ Владиміра Ивановича былъ—и это не случайно—критическій его отзывъ о книгѣ Метлинскаго «Народныя южно-русскія пѣсни» въ «Вѣстникѣ Имп. Русск. Геогр. Общ.», и уже въ этой небольшой статьѣ авторъ выказалъ и большія свои познанія, и широкій взглядъ, и критическое чутье, являясь достойнымъ ученикомъ своего учителя, И. И. Срезневскаго. Вообще

---

[1]) Яковъ Ивановичъ (1822—72 гг.) былъ дѣятелемъ по горной части и директоромъ технологическаго института; Евгеній Ивановичъ (род. 1825 г.)—извѣстный финансистъ и государственный дѣятель; Сергѣй Ивановичъ (род. 1841 г.)—выдающійся ученый, профессоръ-физикъ и физіологъ; Константинъ Ивановичъ—судебный дѣятель. Отецъ ихъ Иванъ Ивановичъ (1793—1879 гг.) занималъ видный постъ въ министерствѣ финансовъ и былъ затѣмъ сенаторомъ.

[2]) На ту же тему писалъ его товарищъ Д. Л. Мордовцевъ, удостоенный, если не ошибаюсь, золотой медали.

своей подготовкой и учеными качествами, основательностью и осторожностью, направленіемъ своихъ интересовъ и научной пытливости, особенно въ первый періодъ дѣятельности, Владимиръ Ивановичъ былъ, конечно, обязанъ этому своему главному и лучшему учителю и руководителю. Онъ чрезвычайно высоко ставилъ и цѣнилъ Срезневскаго точно такъ же, какъ и послѣдній сразу оцѣнилъ своего ученика, всячески поощрялъ его и всегда продолжалъ высоко ставить его труды и заслуги, несмотря на то, что и въ предметѣ своихъ спеціальныхъ изученій, и въ характерѣ и направленіи своихъ изысканій и ученыхъ построеній ученикъ впослѣдствіи значительно отдалился отъ спеціальныхъ интересовъ своего учителя. Взглядъ В. И. Ламанскаго на Срезневскаго, его почитаніе и преклоненіе передъ нимъ ярко выразились въ его тепломъ и живомъ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ знаменитому славису [1], гдѣ онъ, между прочимъ, крайне симпатично характеризуетъ начало ученой карьеры И. И. Срезневскаго, его увлеченія малорусской этнографіей и поэзіей, приведшія его постепенно къ интересамъ и изученіямъ общеславянскимъ.

«Украинское направленіе молодого Срезневскаго, — говоритъ Владимиръ Ивановичъ,—его украинскія сочувствія, пристрастія и занятія чрезвычайно помогли ему сразу ступить твердой ногой на почву славяновѣдѣнія и въ скорости стать однимъ изъ крупныхъ славистовъ, быстро сблизили его съ главными представителями, лучшими учеными и писателями западнаго славянства и живо ввели его въ кругъ ихъ интересовъ и сочувствій, дали Срезневскому умѣнье и навыкъ въ обращеніи съ народомъ, въ наблюденіяхъ его быта, въ изученіи языковъ и говоровъ западнославянскихъ». Это замѣчаніе тѣмъ интереснѣе, что до нѣкоторой степени оно можетъ быть примѣнено и къ самому Владимиру Ивановичу; который также прежде, чѣмъ посвятить себя исключительно славяновѣдѣнію, прошелъ основательную школу этнографическаго, географическаго и историческаго познанія русскаго народа во всѣхъ его разновидностяхъ и вообще своего отечества. Какъ высоко Срезневскій цѣнилъ ученыя качества и заслуги своего ученика, видно изъ многихъ отзывовъ, напримѣръ, хотя бы изъ слѣдующаго, по поводу докторской диссертаціи Владимира Ивановича: «Всѣ слѣдящіе за успѣхами самостоятельной научной дѣятельности русской признаютъ значеніе Ламанскаго, какъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ ея участниковъ. Такъ и должно быть: на это дали ему одинаковое право его многообразные труды, его даровитость и обширныя знанія, счастливое соединеніе въ умѣ его умѣнья

[1]) «Измаилъ Ивановичъ Срезневскій» (1812—1880). Историческая записка о дѣятельности императорскаго московскаго археологическаго общества за двадцать пять лѣтъ. М. 1890 г.

вникать въ мелочи съ выдержкою широкаго кругозора любознательности, своеобразія помысловъ и домысловъ съ неутомимою взыскательностью и, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, его готовность содѣйствовать работамъ другихъ, его теплое усердіе въ помощи молодымъ любителямъ науки» [1]). Не забудемъ, что этотъ лестный приговоръ былъ произнесенъ еще въ самый ранній періодъ ученой карьеры Владимира Ивановича, задолго до достиженія имъ апогея своей ученой и профессорской славы.

Первое десятилѣтіе (1854—1864) ученаго поприща Владимира Ивановича было посвящено тремъ моментамъ или сферамъ дѣятельности: ученымъ работамъ въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ и въ государственномъ и главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ съ 1858 по 1862 гг. прослужилъ старшимъ архиваріусомъ, труду надъ магистерской диссертаціей въ связи съ сдачей магистерскихъ экзаменовъ, и наконецъ заграничной командировкѣ и первому ученому путешествію по славянскимъ землямъ. Уже съ первыхъ шаговъ ученой и общественной дѣятельности своей Владимиръ Ивановичъ ярко заявляетъ себя убѣжденнымъ приверженцемъ народно-самобытнаго, національнаго направленія и славянофильскаго міровоззрѣнія, которое, очевидно, очень рано успѣло развиться въ немъ и постепенно сложилось, подъ вліяніемъ его основательныхъ русско-славянскихъ этнографическихъ и историческихъ изученій, при его рѣдкой начитанности и пріобрѣтенномъ широкомъ общемъ кругозорѣ,—въ форму совершенно оригинальныхъ и глубокихъ историко-философскихъ построеній...

Къ сожалѣнію, наши матеріалы пока не даютъ намъ прослѣдить ближе ростъ и процессъ умственнаго развитія и сформированія воззрѣній Владимира Ивановича, но, несомнѣнно, этотъ процессъ въ совершенно опредѣленномъ направленіи начался еще на университетской, вообще школьной скамьѣ, а вслѣдъ за тѣмъ на выработку міровоззрѣнія начинающаго ученаго должны были оказать самое рѣшительное вліяніе какъ идейное и дружеское сближеніе съ лучшими представителями тогдашняго московскаго славянофильскаго кружка (И. Аксаковымъ, Самаринымъ, Чижовымъ), такъ и живая дѣятельность и вращеніе его въ кругу выдающихся ученыхъ силъ и общественныхъ дѣятелей императорскаго русскаго географическаго общества, объединившаго тогда въ своей средѣ все, что имѣлось въ петроградской интеллигенціи—талантливаго, живого и энергичнаго въ области отечество- и народовѣдѣнія. Не забудемъ, что именно въ началѣ 50-хъ годовъ совершились въ этомъ обществѣ рѣзкій переломъ и полное обновленіе въ смыслѣ самобытнаго національнаго направленія, когда предсѣдательство послѣ

[1]) Записка объ ученыхъ трудахъ проф. В. И. Ламанскаго. 1876 г.

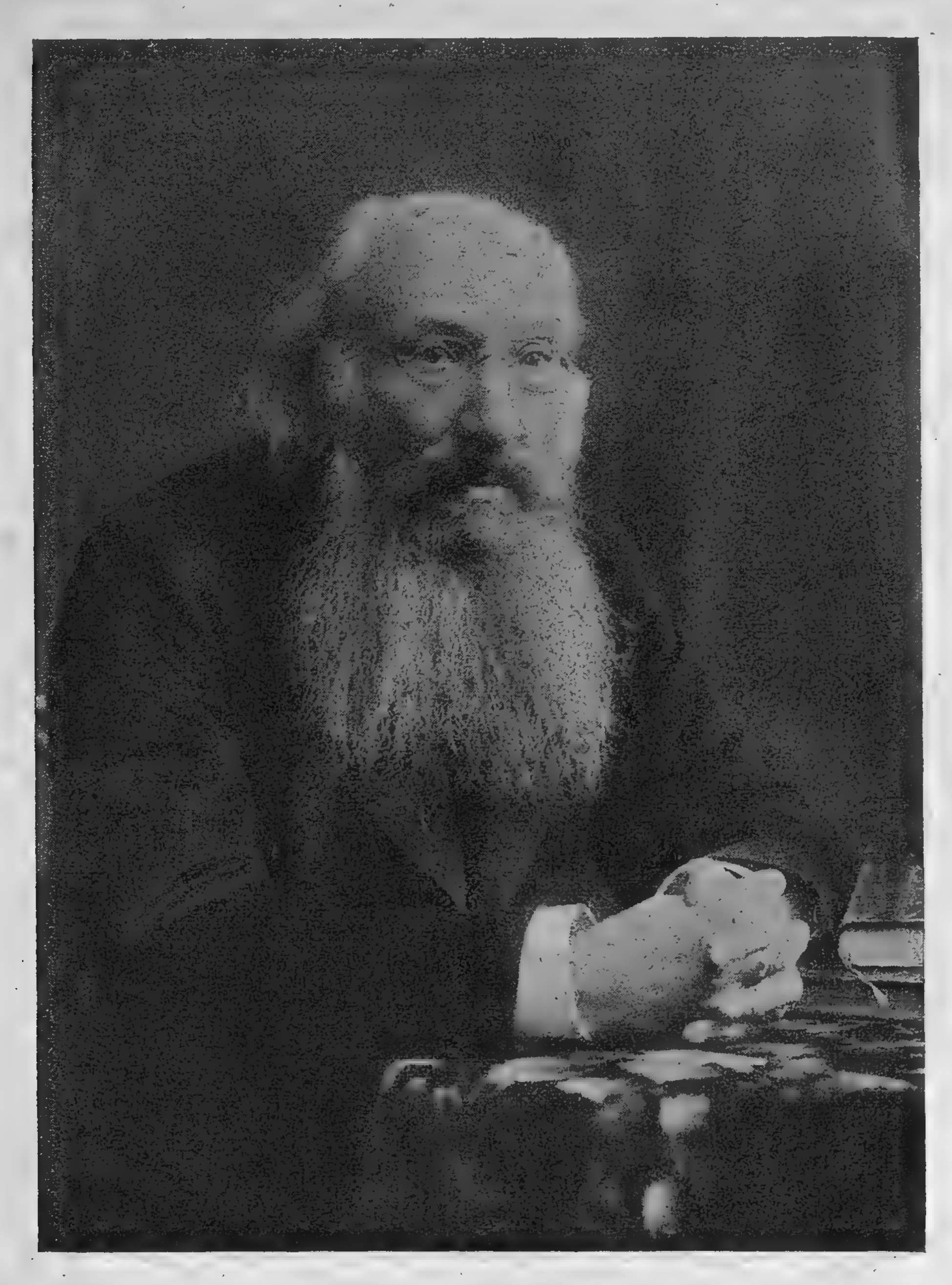
Ѳ. П. Литке принялъ на себя М. Н. Муравьевъ, а въ числѣ главныхъ работниковъ выдвинулись такіе передовые дѣятели науке историко-филологической и этнографіи, какъ Н. И. Надеждинъ, И. И. Срезневскій, К. Д. Кавелинъ, а въ другихъ областяхъ знанія и государствовѣдѣнія—такіе, какъ Е. И. Ламанскій, Н. Я. Данилевскій, братья Милютины, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, К. С. Веселовскій, Я. И. Ростовцовъ, П. П. Семеновъ, А. К. Гирсъ и другіе.

Увлеченный идеей великой для Россіи важности подъема народнаго духа и силъ на основѣ самопознанія и всесторонняго самоизученія, Владиміръ Ивановичъ глубоко проникся стремленіемъ не только лично всемѣрно послужить на ученомъ и общественномъ поприщѣ этой высокой задачѣ, но и побуждать и подстрекать молодыя и свѣжія общественныя силы къ такой дѣятельности. Въ примѣрахъ и явленіяхъ русской исторіи и культурнаго прошлаго онъ искалъ и находилъ поучительныя указанія и поощреніе для работы на избранномъ имъ пути, и въ этомъ отношеніи особенно увлекалъ его образъ и подвигъ безсмертнаго Ломоносова, трудамъ и дѣятельности котораго въ академіи наукъ онъ впослѣдствіи посвятилъ спеціальныя изслѣдованія и статьи. Съ захватывающимъ интересомъ и вниманіемъ онъ изучалъ съ этой національной русско-славянской точки зрѣнія историческіе памятники и матеріалы XVIII и начала XIX вв. въ архивѣ государственномъ и министерства иностранныхъ дѣлъ (гдѣ служилъ съ 1858 г.) и извлекалъ изъ нихъ для печати и повременныхъ изданій много новаго и любопытнаго. Вѣкъ Елизаветы Петровны и Ломоносова наиболѣе привлекалъ его вниманіе, и не даромъ цитаты изъ сочиненій Ломоносова, въ видѣ эпиграфовъ, украсили первую замѣчательную его учено-публицистическую статью «О распространеніи знаній въ Россіи» («Современникъ» 1857 г., № 5), обратившую на себя и на молодого автора сочувственное вниманіе наиболѣе просвѣщеннаго круга читателей.

Между тѣмъ преобладающимъ интересомъ В. И. Ламанскаго въ его ученыхъ занятіяхъ оставались все же славянскія изученія, т.-е. предметъ, на которомъ онъ спеціализировался еще въ университетѣ, въ школѣ И. И. Срезневскаго, и въ этой области опять самобытно-русское, славянофильское міровоззрѣніе послужило основой и стимуломъ для тѣхъ глубокихъ изысканій и для той синтетической творческой работы, которыя привели Ламанскаго къ его широкимъ философско-историческимъ построеніямъ и выводамъ—въ изображеніи и характеристикѣ судебъ славянства...

Въ началѣ 1860 года Владиміръ Ивановичъ публично защитилъ свою магистерскую диссертацію, свой замѣчательный по эрудиціи, широкой постановкѣ и разработкѣ охваченныхъ вопросовъ

трудъ «О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи». Рѣчь, сказанная имъ на диспутѣ, заключаетъ въ себѣ полное, талантливо изложенное его profession de foi, которое ярко освѣщаетъ

Владимиръ Ивановичъ Ламанскій.

его научныя задачи и стремленія, всю его какъ предыдущую, такъ и послѣдующую дѣятельность, что придаетъ этой рѣчи и автобіографическое значеніе [1]). Съ огромнымъ интересомъ она читается

[1]) «Русская Бесѣда» 1860 г. I. М., Смѣсь, стр. 135—146.

и теперь. Я не могу пропустить удобнаго случая привести хоть нѣсколько выдержекъ изъ нея, особенно въ виду того, что добраться до нея въ старомъ московскомъ славянофильскомъ журналѣ не такъ легко.

Изложивъ послѣдовательный ходъ своихъ славянскихъ изученій въ области языка, славянскихъ нарѣчій, народной словесности и особенно памятниковъ русской и славянской письменности и исторіи, Владиміръ Ивановичъ разсказываетъ, какъ онъ отъ изученія «Русской Правды» перешелъ къ однороднымъ памятникамъ славянскимъ, къ Законнику Стефана Душана, и какъ эти сравнительныя наблюденія и изслѣдованія его увлекали. Эти работы,—говоритъ онъ,—при помощи моихъ прежнихъ занятій, позволили мнѣ подглядѣть ту основную идею и тѣ связующія начала, которыя какъ бы сплачиваютъ въ одно цѣлое исторію болгаръ, сербовъ и хорватовъ и исторію русскаго народа до такой степени, что многія явленія нашей народной жизни или необъяснимы, или мало понятны безъ знакомства съ бытомъ нашихъ южныхъ соплеменниковъ, и нѣкоторыя болѣе или менѣе знаменательныя событія нашей исторіи имѣютъ поразительную аналогію и сходство съ таковыми же событіями ихъ исторіи. Прямо явная связь южнославянской исторіи съ исторіей Венгріи, а ея съ исторіей Чехіи и Польши, этой же послѣдней съ исторіей Россіи, тѣ особыя отношенія, въ которыхъ издавна находились эти страны къ міру греческому,—всѣ эти данныя заставили меня, вслѣдъ за другими, признать въ исторіи новой Европы особую дѣйствующую группу народовъ, отличающуюся, подобно другой европейской группѣ—романогерманской, своимъ особливымъ характеромъ, своимъ замѣчательнымъ прошедшимъ, неколебимою вѣрою въ свое великое будущее, несмотря на всѣ тягости настоящаго... Мнѣ стало ясно, что исторія греко-славянскаго міра должна пополнить значительный пробѣлъ въ исторіи новаго человѣчества»... «Народы славянскіе... постоянно находились въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. Характеръ же ихъ взаимныхъ сношеній опредѣлялся ихъ внутреннимъ бытомъ: чѣмъ болѣе подпадалъ онъ чужеземному вліянію, чѣмъ менѣе оставался онъ вѣренъ своимъ кореннымъ народнымъ стихіямъ, тѣмъ скорѣе утрачивали они сознаніе своего единства, тѣмъ замѣтнѣе ослабѣвали ихъ первоначальныя связи, тѣмъ враждебнѣе становились ихъ взаимныя столкновенія. Пока непріятельскія стихіи дѣйствовали врозь, славяне не сознавали потребности во взаимныхъ союзахъ. Когда же имъ явно стала угрожать общая опасность,—устроить союзъ было уже поздно: государства славянскія до того прониклись чужеземными элементами, что уже вовсе не годились на потребы славянскія... и массы народныя не спасли своихъ государствъ съ ихъ ложною образованностью, а болѣе или менѣе равнодушно отдались въ неволю азіатамъ и нѣмцамъ. Сла-

вянскій міръ до того подчинился чуждымъ стихіямъ—азіатской, византійской и римско-нѣмецкой, что въ XVIII вѣкѣ можно было думать, что начался процессъ разложенія славянскихъ народностей... Изъ среды славянскаго міра замѣтно выдѣлялся одинъ русскій народъ... На русскомъ народѣ пришлось оборваться самымъ завѣтнымъ стремленіямъ исконныхъ противниковъ славянскаго міра. Всѣ чуждыя стихіи, вліявшія на южныхъ и западныхъ славянъ, проникли и къ намъ и понынѣ вліяютъ на насъ [1]), съ тою, впрочемъ, разницею, что каждая порознь и всѣ вмѣстѣ не только ослабляютъ другъ друга, но и невольно подчиняются нашей основной народной стихіи—славянской,—если не всегда служатъ русскому знамени, то зато всегда выдвигаютъ его впередъ для прикрытія своихъ частныхъ и корыстныхъ цѣлей. Русскій народъ не только вынесъ всѣ суровыя испытанія своихъ южныхъ и западныхъ соплеменниковъ, но и совершилъ поворотъ въ исторіи славянскаго міра. Какъ принципъ и идею, онъ заставилъ признать славянскую личность. И теперь всѣмъ ясно становится, что безъ его содѣйствія и участія невозможно освобожденіе остальнаго славянства»... Близкое книжно-литературное ознакомленіе Владиміра Ивановича съ воззрѣніями западныхъ европейцевъ (особенно нѣмцевъ) на Россію, ея прошедшее, настоящее и будущее, и на славянство—впослѣдствіи онъ посвятилъ этому предмету особый трактатъ—убѣдило его въ томъ, «что въ сознаніи романо-германскаго міра наша Русь не отдѣлима отъ прочихъ народовъ славянскихъ, что славянскій міръ представляется ему, какъ одно цѣлое, имѣющее свои особливыя задачи, часто вовсе несогласныя съ его собственными видами». «Прослѣдивъ эти воззрѣнія исторически, я замѣтилъ,—говоритъ онъ—что они порождены цѣлою исторіею отношеній народовъ романо-германскихъ къ намъ, славянамъ. Мнѣ представился тогда длинный, безконечный рядъ вопросовъ, не одинаково общезанимательныхъ, но чрезвычайно важныхъ въ своей совокупности,—вопросовъ объ отношеніяхъ греко-славянскаго міра къ романо-германскому и къ прочимъ племенамъ и народностямъ»... Именно этими руководящими идеями на дѣлѣ и обосновывался выборъ темъ въ послѣдующихъ научныхъ трудахъ, изысканіяхъ и историко-философскихъ трактатахъ Владиміра Ивановича. Въ заключительной части своей рѣчи онъ, нѣкоторымъ образомъ пророчески, сказалъ о Россіи: «Современное поступательное движеніе Россіи всего лучше опредѣлить освобожденіемъ ея основной народной стихіи, славянской, изъ-подъ вліянія ей чуждыхъ стихій. Какія бы грозныя тучи ни собирались на нашемъ небосклонѣ, но окончательное ея торжество несомнѣнно. Оно же неразлучно съ при-

---

[1]) Владиміръ Ивановичъ тогда еще не могъ предвидѣть, до какихъ размѣровъ дойдетъ у насъ германское засилье рѣшительно во всемъ.

миренiемъ и сближенiемъ русскаго народа съ другими народами славянскими. Эти же явленiя, немыслимыя безъ умственнаго и литературнаго общенiя нашего съ ними, обозначатся распространенiемъ въ Россiи знакомства съ языками и литературами славянскими, вступленiемъ русскаго искусства и русской литературы въ новый, высшiй перiодъ своего развитiя, въ перiодъ славянскiй, когда они станутъ общимъ достоянiемъ народа, чистымъ выраженiемъ народнаго духа»...

Эти свои воззрѣнiя на греко-славянскiй мiръ и Россiю въ ихъ отношенiяхъ къ европейскому Западу и азiатскому Востоку, на ихъ прошлое и будущее, на ихъ мiровыя историческiя задачи,—воззрѣнiя, опредѣлившiя роль славянства, какъ великаго фактора въ мiровой исторiи, Владимиръ Ивановичъ развивалъ и углублялъ въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ замѣчательныхъ изслѣдованiй, этюдовъ, статей, производившихъ въ свое время глубокое впечатлѣнiе въ посвященныхъ въ эти вопросы русскихъ и славянскихъ кругахъ, но, къ сожалѣнiю, не получившихъ достаточно широкаго распространенiя въ слишкомъ еще не подготовленной къ ихъ пониманiю и усвоенiю массѣ русскаго общества.

Въ ряду такихъ работъ и статей Владимира Ивановича должны быть названы: «Вступительное чтенiе» его въ университетѣ въ зимнiй сезонъ 1865 г. (напеч. въ «Днѣ», №№ 50—52); «Чтенiе о славянской исторiи въ петроградскомъ университетѣ» (I. Изученiе славянства и русскаго самосознанiя. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1867 г., янв.); знаменитая докторская диссертацiя «Объ историческомъ изученiи греко-славянскаго мiра» (Спб. 1871 г.). Кстати будетъ замѣтить, что Владимиръ Ивановичъ, крайне строгiй къ самому себѣ, долго не соглашался представить это сочиненiе на докторскую степень, какъ ранѣе отказался сдѣлать это съ своимъ превосходнымъ, глубокимъ изслѣдованiемъ о происхожденiи древняго церковно-славянскаго языка «Непорѣшенный вопросъ», и уступилъ лишь усиленнымъ убѣжденiямъ Срезневскаго и другихъ товарищей. Далѣе слѣдуетъ его блестящая, полная огромной эрудицiи и интереса, но, къ сожалѣнiю, не оконченная или, вѣрнѣе, лишь начатая работа «Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ» («Славянскiй Сборникъ», I, 1875 г.); «Предисловiе» къ монументальному, цѣннѣйшему по содержанiю и выводамъ, и едва ли еще достаточно оцѣненному ученому труду «Secrets d'Etat de Venise» (Спб. 1884 г.; посвященъ авторомъ ученикамъ своимъ).

Пропуская затѣмъ массу другихъ очерковъ, журнальныхъ и полемическихъ статей и рѣчей, развивающихъ все тѣ же плодотворныя идеи и историческiя построенiя Владимира Ивановича, мы приходимъ къ послѣднему ихъ наиболѣе блестящему и сильному выраженiю и, такъ сказать, заключительному аккорду, къ

замѣчательному трактату или очеркамъ Владимира Ивановича «Три міра азійско-европейскаго материка» (въ «Славянскомъ Сборникѣ», I, 1892 г.). Къ сожалѣнію, и эта интереснѣйшая и высокопоучительная работа Ламанскаго мало у насъ извѣстна, а въ широкой публикѣ едва ли вообще извѣстна, развѣ только по заглавію, и потому требуетъ скорѣйшаго переизданія.

Къ 1862—63 гг. относится первое ученое заграничное путешествіе Владимира Ивановича и посѣщеніе имъ какъ австрійскихъ и южныхъ, балканскихъ славянъ, такъ и вообще всего балканскаго и итальянскаго юга, включая и Константинополь. Нечего и говорить, какое громадное значеніе для Владимира Ивановича и для его ученыхъ работъ имѣло это путешествіе и какими научными и умственными сокровищами онъ умножилъ и безъ того богатый капиталъ своихъ знаній. Прямыми учеными результатами его изысканій и собиранія матеріаловъ было нѣсколько вышедшихъ вскорѣ затѣмъ первоклассныхъ по научной важности работъ, каковы: «Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи», «О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическими и историческими примѣчаніями» и «Національности италіанская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ». Другимъ результатомъ поѣздки были завязавшіяся связи и сближенія съ выдающимися славянскими учеными и дѣятелями, со многими изъ которыхъ онъ поддерживалъ долго переписку и книжныя сношенія. Эти связи, столь необходимыя и многополезныя для ученаго и слависта, оживляемы были позже слѣдующими поѣздками Владимира Ивановича въ славянскія земли въ 1868—69 гг., а затѣмъ въ восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годахъ.

Наконецъ съ 1865 года Владимиръ Ивановичъ занялъ давно уже заслуженную имъ университетскую каѳедру, и съ этихъ поръ начинается его столь плодотворная и высокополезная профессорская дѣятельность, продолжавшаяся около тридцати пяти лѣтъ и крупные результаты которой достаточно извѣстны, не разъ были отмѣчаемы и получали высокую, заслуженную оцѣнку не только со стороны его признательныхъ учениковъ, его «школы», но и со стороны безпристрастнаго суда русской науки и общества.

Въ 1865 году Ламанскій началъ свои университетскія чтенія и руководительство занятіями спеціалистовъ, а уже къ выпускамъ 1867 и 1868 гг. принадлежатъ первые его ученики (Ѳ. Ѳ. Зигель и А. С. Будиловичъ)[1]), составившіе скоро честь и славу его возникающей научной «школы» славистовъ. Съ тѣхъ поръ послѣдовательно готовится и выходитъ на ученое поприще подъ его руководствомъ—въ теченіе цѣлаго тридцатилѣтія непрерывный рядъ

[1]) За названными слѣдовали: 1867 г. Семеновичъ, 1871 г. Ю. С. Анненковъ и Ѳ. И. Успенскій, 1875 г. Р. Ѳ. Брандтъ.

учениковъ [1]), изъ которыхъ большая часть занимаетъ и теперь или занимала до послѣдняго времени славянскія и другія родственныя каѳедры въ русскихъ университетахъ.

Вмѣстѣ съ ростомъ авторитета, вліянія и значенія Владимира Ивановича въ университетѣ, среди товарищей-профессоровъ и учащейся молодежи, росли, естественно, и вліяніе и популярность его въ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ и тѣхъ группахъ нашей интеллигенціи, которымъ были близки и дороги идеалы и стремленія такихъ людей, какъ Владимиръ Ивановичъ, тѣ національныя задачи, славянская идея и славянское движеніе, въ которыхъ Ламанскій въ памятные 1875—78 годы принималъ живое и авторитетное участіе.

По поводу горячей отзывчивости Владимира Ивановича на современныя событія и явленія жизни, на общественные движенія и интересы дня и его умѣнья сблизить свои ученые интересы съ жизнью я не могу не повторить того, что говорилъ объ этой чертѣ характера и душевнаго склада Владимира Ивановича по поводу его пятидесятилѣтняго юбилея.

Всегда и всюду, дома, на каѳедрѣ и во время своего многократнаго паломничества по городамъ и весямъ славянскихъ и неславянскихъ странъ, онъ не былъ только пытливымъ изыскателемъ, рывшимся въ пыли архивовъ и собиравшимъ для своихъ изученій дробные факты и свидѣтельства старыхъ актовъ и бытописаній: онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ и тонкимъ наблюдателемъ современной жизни народовъ, ихъ племенныхъ особенностей и политическихъ отношеній, съ увлеченіемъ дѣлившимся съ окружающими его людьми науки и общества своими идеями, взглядами и выводами... Онъ не только до мелочей анализировалъ добытые имъ научные матеріалы и дѣлалъ на основаніи ихъ важныя спеціальныя открытія, но онъ умѣлъ обнаружить въ мертвыхъ на видъ памятникахъ голосъ минувшей жизни и ея духа, сближалъ отдаленное прошедшее съ настоящимъ и своимъ замѣчательнымъ творческимъ даромъ создавалъ смѣлыя глубокомысленныя построенія, открывалъ широкія заманчивыя историческія перспективы, къ изученію которыхъ онъ увлекалъ своихъ молодыхъ учениковъ и послѣдователей.

На университетской каѳедрѣ Владимиръ Ивановичъ не былъ только авторитетнымъ знатокомъ своего предмета и добросовѣстнымъ лекторомъ, читавшимъ своимъ слушателямъ все новые и основанные на новѣйшихъ научныхъ данныхъ и выводахъ курсы: онъ былъ въ лучшемъ и полномъ смыслѣ профессоръ-учитель, всей душою отдававшійся дѣлу руководства и всяческой поддержки своихъ

---

[1]) Послѣдній, кажется, проф. Г. А. Ильинскій—выпуска 1898 г.

молодыхъ учениковъ и благотворно влiявшiй на нихъ своимъ дружескимъ общенiемъ и обаянiемъ всей своей личности.

Характеризовать и описывать здѣсь подробнѣе университетскую, разносторонне-научную и общественную дѣятельность Владимиръ Ивановича въ послѣдующiе ея перiоды (1880—1890 годовъ) и останавливаться на послѣдней академической порѣ его трудовъ, какъ члена русскаго отдѣленiя академiи наукъ, не входитъ въ мою задачу. Имѣя счастье и честь принадлежать къ числу учениковъ Владимира Ивановича, я не могу не попытаться освѣтить, на основанiи своихъ воспоминанiй и опыта, только что затронутыя его роль и дѣятельность, какъ идеальнаго учителя-руководителя.

Я поступилъ въ петроградскiй университетъ въ 1872 году, а уже въ 1874 г., очевидно, не только слѣдуя внутреннимъ своимъ влеченiямъ, но и, несомнѣнно, подъ сильнымъ влiянiемъ университетскихъ чтенiй Владимира Ивановича и той духовной атмосферы, которая невольно создавалась около него, его каѳедры и кружка его молодыхъ почитателей, я избралъ славяновѣдѣнiе своею специальностью и тѣмъ самымъ долженъ былъ вступить въ личныя непосредственныя сношенiя, а затѣмъ и домашнее знакомство съ Владимиромъ Ивановичемъ. Насколько меня увлекли славянскiе интересы и сочувствiя, можно судить по тому, что тогда же, едва перейдя на третiй курсъ университета, я уже вступилъ въ число членовъ петроградскаго славянскаго комитета и сталъ принимать сперва, конечно, довольно пассивное, а впослѣдствiи болѣе живое и активное участiе въ его дѣлахъ и интересахъ. Въ славянскомъ комитетѣ играли тогда, разумѣется, видную роль не только своимъ авторитетомъ, но и непосредственнымъ участiемъ какъ самъ Владимиръ Ивановичъ, такъ и прiобрѣтавшiй уже извѣстность и популярность его ученикъ А. С. Будиловичъ.

На моемъ курсѣ, очень немногочисленномъ, насъ оказалось нѣсколько человѣкъ (четверо), избравшихъ славистику своей специальностью [1]), и я помню хорошо, какъ Владимиръ Ивановичъ былъ прiятно удивленъ такому для него неожиданному успѣху его предмета. Скоро мы сошлись съ ближайшими нашими старшими (однимъ годомъ) сотоварищами по занятiямъ у Владимира Ивановича, а къ намъ на слѣдующемъ курсѣ примкнуло нѣсколько младшихъ товарищей-славистовъ [2]), такъ что образовалась уже порядочная группа учениковъ Ламанскаго—болѣе или менѣе сверстниковъ, объединенныхъ одинаковыми научными стремленiями и интересами, духомъ воззрѣнiй и направленiемъ мыслей, глубокой приверженностью

---

[1]) Это были, кромѣ меня, Т. Д. Флоринскiй, И. И. Соколовъ и Виноградовъ.

[2]) Старшими были Р. Ѳ. Брандтъ и два работавшихъ у Владимира Ивановича бывшихъ воспитанниковъ духовныхъ академiй (вып. 1875 г.), Г. А. Воскресенскiй и В. Н. Малининъ, а младшими: С. Л. Пташицкiй, М. И. Соколовъ и П. А. Сырку.

и сердечными чувствами уваженія и благодарности къ своему руководителю. Наши взаимныя связи и дружеское сближеніе не прекращались и не ослабѣвали и по оставленіи университета, такъ какъ, независимо отъ притягивавшаго насъ центра—самого Владимира Ивановича, сохранявшаго постоянно къ своимъ ученикамъ близкое и дружеское, почти родственное отношеніе, мы, а именно остававшіеся по окончаніи курса въ Петроградѣ, естественно составили тѣсный товарищескій кружокъ, нѣкоторое время даже правильно собиравшійся для совмѣстныхъ занятій, чтенія рефератовъ, обмѣна мыслями какъ по научнымъ, такъ и по другимъ злободневнымъ славянскимъ вопросамъ культурнаго и политическаго значенія. Но главнымъ, самымъ притягательнымъ мѣстомъ соединенія и общенія оставались уютный, никогда не закрытый для учениковъ, кабинетъ и гостепріимный домъ Владимира Ивановича Ламанскаго, его приснопамятныя, незабвенныя субботнія собранія. Тутъ мы знакомились и сближались съ все новыми выходившими на славянскую ниву учениками и послѣдователями Владимира Ивановича, такими же, какъ мы, вѣрными «птенцами» его ученаго «гнѣзда». Конецъ семидесятыхъ и особенно 1880 годъ были особенно счастливы обиліемъ славистовъ въ этихъ выпускахъ [1]). Уже смѣло можно было говорить и дѣйствительно говорили о школѣ Ламанскаго: она, несомнѣнно, росла, множилась и крѣпла.

Нельзя отрицать, что извѣстную роль въ этомъ влеченіи молодежи къ изученію славянскаго міра сыграли и внѣшнія событія 1876—78 гг., и русско-турецкая освободительная для южнаго славянства война. Общественный порывъ къ освобожденію братьевъ отъ вѣкового рабства и связанная съ этимъ стихійно охватившая массы идея славянской взаимности всего сильнѣе сказались на молодежи. Одушевленная проповѣдь и поучительныя рѣчи съ каѳедры и дома такихъ знатоковъ славянства, какъ Владимиръ Ивановичъ, падали на благодарную почву и вызывали живой интересъ къ предмету и научную пытливость. Многіе изъ насъ, молодыхъ славистовъ, не ограничивались научною, академическою стороною поглотившихъ насъ славянскихъ интересовъ, а стремились и практически послужить задачамъ славянскаго духовнаго сближенія и взаимности. И тутъ навстрѣчу намъ шла дѣятельность петроградскаго славянскаго благотворительнаго комитета, къ которой ея руководители старались привлечь и молодыя научныя силы. Это была блестящая, золотая пора жизни славянскаго комитета, въ трудахъ котораго, подъ предсѣдательствомъ сперва И. П. Корнилова, потомъ князя А. И. Васильчикова и затѣмъ К. Н. Бесту-

---

[1]) Къ 1879 году принадлежатъ И. П. Филевичъ и В. Э. Регель, а къ 1880 г.: Ѳ. И. Истоминъ, Г. М. Князевъ, В. А. Кракау, а по петроградской духовной академіи И. С. Пальмовъ.

жева-Рюмина, принималъ самое дѣятельное участіе и В. И. Ламанскій, а рядомъ съ нимъ такіе частью ученые, частью практическіе славянофилы, какъ О. Ѳ. Миллеръ, М. О. Кояловичъ, Т. И. Филипповъ, А. Ѳ. Бычковъ, А. Н. Поповъ, А. Н. Майковъ, братья Кирѣевы, прот. І. Л. Янышевъ, А. Д. Башмаковъ, И. Ѳ. Золотаревъ, И. И. Петровъ, А. В. Васильевъ, М. П. Розенгеймъ, В. И. Аристовъ и другіе.

Съ какимъ увлеченіемъ и восторгомъ слушали мы въ этихъ блестящихъ славянскихъ собраніяхъ одушевленныя и интереснѣйшія рѣчи Владимира Ивановича и другихъ ораторовъ! Въ то время славянскій комитетъ (скоро переименованный въ славянское благотворительное общество) не имѣлъ еще своего постояннаго печатнаго органа, но потребность въ немъ живо чувствовалась, и вотъ нашъ маленькій кружокъ славистовъ [1]), поощряемый особенно пламеннымъ и неугомоннымъ дѣятелемъ общества—И. И. Петровымъ, занялся составленіемъ программы такого изданія. Она и была нами выработана, но почему-то тогда эти предположенія не осуществились, и органъ «Извѣстій» общества возникъ уже нѣсколько позже. Въ ту же эпоху нѣкоторые изъ насъ (особенно усердно покойный И. И. Соколовъ при моей помощи) принимали дѣятельное участіе въ собираніи, упаковкѣ и отправкѣ въ изобиліи жертвуемыхъ книгъ въ славянскія земли.

Но вернемся къ личнымъ отношеніямъ учениковъ къ учителю. Я уже говорилъ, какъ расширился нашъ кругъ къ началу 1880-хъ годовъ. Въ это время въ числѣ учениковъ старшихъ поколѣній были уже не только доктора, магистры и магистранты, но нѣкоторые занимали уже университетскія каѳедры; многіе уже оставили Петроградъ; но дорогой нашъ учитель и другъ Владимиръ Ивановичъ продолжалъ попрежнему насъ объединять и сплачивать, и совершенно естественно было, что когда въ 1883 году предстояло чествованіе 25-лѣтія его профессорской и ученой дѣятельности, его ученики рѣшили ознаменовать этотъ юбилей особенно вѣскимъ и яркимъ выраженіемъ своей глубокой ему благодарности и издали въ честь его сборникъ своихъ трудовъ и статей («Сборникъ статей по славяновѣдѣнію», Спб. 1883), въ который вошли работы 21 ученика [2]). Владимиръ Ивановичъ былъ глубоко тронутъ такимъ свидѣтельствомъ любви, вниманія и признательности своихъ учениковъ и въ своей отвѣтной рѣчи, скромно отрицая какія-либо свои за-

---

[1]) Сотоварищами моими въ этомъ дѣлѣ были, сколько помню, Флоринскій, Пташицкій, Соколовъ и еще кое-кто.

[2]) Это были: Ѳ. Ѳ. Зигель, А. Г. Семеновичъ, А. С. Будиловичъ, Ю. С. Анненковъ, Ѳ. И. Успенскій, Г. А. Воскресенскій, Р. Ѳ. Брандтъ, В. Н. Малининъ, К. Я. Гротъ, И. И. Соколовъ, Т. Д. Флоринскій, С. Л. Пташицкій, М. И. Соколовъ, П. А. Сырку, И. Ѳ. Анненскій, В. Э. Регель, И. С. Пальмовъ, Ѳ. М. Истоминъ, Г. М. Князевъ, В. А. Кракау и А. Л. Петровъ.

слуги, приписывалъ это чествованіе только «доброму къ нему расположенію, сердечной привязанности къ своему бывшему профессору»...

Признавая, что ученому и профессору естественно и позволительно иногда предаваться честолюбивымъ и горделивымъ мечтамъ о томъ, что его трудъ, быть можетъ, не напрасенъ, что онъ оставитъ по себѣ извѣстный слѣдъ въ литературѣ, наукѣ, въ исторіи образованности, оставитъ учениковъ, послѣдователей, Владиміръ Ивановичъ заключилъ такъ свое слово:

«Провозглашая себя громко моими учениками, вы утѣшаете и ласкаете меня отрадною надеждою: ученики ваши и ученики ихъ учениковъ, вспоминая о вашей дѣятельности, быть можетъ, когда-нибудь и меня, какъ вашего стараго дядьку, помянутъ съ благодарностью за то уже одно, что вы меня такъ любили». И эта надежда сбылась еще при жизни Владиміра Ивановича. Во второмъ «Новомъ Сборникѣ», изданномъ въ его честь его учениками въ 1905 г. по случаю его 50-лѣтняго юбилея, приняли участіе и ученики его учениковъ, его, такъ сказать, духовные внуки [1]).

Какимъ же образомъ и какими пріемами Владиміръ Ивановичъ достигалъ такихъ результатовъ своего учительства и руководства, такой духовной и сердечной приверженности? Гдѣ разгадка его необыкновеннаго личнаго вліянія и обаянія, привлекавшихъ къ нему умы и сердца всѣхъ тѣхъ, кто разъ ввѣрился его руководительству и духомъ близко подошелъ къ нему?

Въ молодые свои годы, испытывая это мощное вліяніе, ученики Владиміра Ивановича, конечно, не могли себѣ отдавать отчета въ основѣ и существѣ этого явленія. Но теперь, критически оцѣнивая факты и отношенія уже далекаго прошлаго, анализируя и вдумываясь въ нихъ, мы можемъ лучше разобраться въ причинахъ и элементахъ той глубокой нравственной связи, которая создавалась между покойнымъ нашимъ профессоромъ-другомъ и нами, его учениками.

Прежде всего нельзя не учесть того факта, что Владиміръ Ивановичъ умѣлъ сдѣлать самый предметъ свой—славяновѣдѣніе—въ тѣхъ широкихъ рамкахъ и пониманіи, въ какія онъ его ставилъ,—необыкновенно интереснымъ и привлекательнымъ. Заставляя своихъ учениковъ углубляться въ самыя спеціальныя, частныя изысканія и основательную работу надъ источниками, не пренебрегать мелочами и деталями, онъ указывалъ имъ интереснѣйшую цѣль впереди, открывалъ передъ ними заманчивыя перспективы важныхъ общихъ выводовъ и широкаго историческаго синтеза. Онъ самъ являлся передъ ними яркимъ и живымъ примѣромъ такой истинно

---

[1]) А именно: Е. Ѳ. Карскій, Н. В. Шляховъ, А. Н. Ясинскій, К. Ѳ. Радченко, В. А. Францевъ, Е. Ѳ. Тураева-Церетели, Н. Н. Дурново и А. М. Лукьяненко,

плодотворной работы: онъ доказывалъ своими трудами, что ему не чужды самыя специальныя и съ виду сухія изслѣдованія въ области языка и письменныхъ памятниковъ, но они были для него не цѣлью самой по себѣ, а средствомъ и путемъ къ дальнѣйшимъ историко-культурнымъ изысканіямъ и выводамъ: чрезмѣрной и бездушной спеціализаціи и буквоѣдству онъ не могъ сочувствовать, и для стремящейся впередъ, къ высшимъ предѣламъ научнаго мышленія молодежи такіе широкіе научные взгляды говорили и обѣщали много.

Но еще большую роль въ привлеченіи Ламанскимъ къ себѣ его слушателей играли его особенныя личныя качества, присущій ему даръ духовнаго, идейнаго вліянія на умы и сердца. Владиміръ Ивановичъ былъ не только въ высшей степени доступенъ и простъ въ обращеніи съ ними; онъ широко открывалъ передъ ними не только двери своего дома, своего ученаго арсенала и своихъ книжныхъ богатствъ, но и все свое духовное существо, весь свой научный и умственный капиталъ, которымъ готовъ былъ щедро дѣлиться съ каждымъ своимъ ученикомъ, охотно дѣлился съ ними и всѣми своими завѣтными мыслями, думами, планами и мечтами. Онъ ничего изъ своего громаднаго капитала знаній не таилъ отъ нихъ, но пользованіе послѣднимъ было обыкновенно сопряжено для нихъ съ самой полезной и производительной самодѣятельностью и напряженной работой ума и воли. Дѣло въ томъ, что Владиміръ Ивановичъ говорилъ и общался съ своими учениками на темы своихъ и ихъ ученыхъ работъ и задачъ не какъ съ людьми мало еще опытными и неимовѣрно еще далекими отъ него по знаніямъ и научному пониманію, а какъ съ почти равными себѣ, стоящими какъ будто на уровнѣ и высотѣ его собственнаго научнаго развитія и созерцанія. Этимъ онъ поднималъ ихъ духъ, подзадоривалъ и внушалъ имъ энергію, научное рвеніе и довѣріе къ своимъ силамъ, а съ другой стороны задавалъ имъ большую усиленную и благодарную работу надъ собой—къ скорѣйшему движенію впередъ въ усвоеніи изучаемаго предмета, расширеніи и углубленіи своего научнаго кругозора.

Его руководство и помощь ученикамъ никогда не состояли въ навязываніи имъ своей программы, какихъ-либо пріемовъ работы или въ сообщеніи подробныхъ указаній источниковъ и пособій. Онъ, бесѣдуя съ ними по поводу ихъ работъ, выборъ которыхъ, конечно, обуславливался вліяніемъ его чтеній и его идей, какъ бы предполагалъ у нихъ уже большую освѣдомленность и давалъ свои совѣты большей частью мимолетнымъ замѣчаніемъ, намекомъ, названіемъ имени какого-либо автора, часто полуфразой и отрывочнымъ сужденіемъ, и нерѣдко его собесѣдникъ-ученикъ—говорю по собственному опыту—чувствовалъ большое смущеніе и стыдъ, что не могъ, по своей недостаточной освѣдомленности въ томъ или дру-

томъ специальномъ вопросѣ и его литературѣ, сразу понять намекъ своего учителя и усвоить его соображеніе, а переспрашивать и обнаружить тѣмъ свое незнаніе не позволяло самолюбіе... Но каждая услышанная фраза, сужденіе или имя запоминались твердо, и все это раскрывалось и становилось понятнымъ послѣ того, какъ дома углублялся въ дѣло, рылся въ книгахъ и источникахъ и въ концѣ концовъ вполнѣ уяснялъ себѣ новое цѣнное указаніе.

Такимъ-то непринужденнымъ способомъ общенія съ своими учениками, не подавляя ихъ своимъ авторитетомъ и сознаніемъ своего превосходства, велъ ихъ Владимиръ Ивановичъ по пути вполнѣ самостоятельнаго ученаго труда и возбуждалъ въ нихъ въ чрезвычайной степени научную пытливость и любознательность. Если къ этому прибавить рѣдкую доброту и сердечную участливость Владимира Ивановича, всегдашнюю готовность помочь въ затрудненіи и поддержать неувѣреннаго или сомнѣвающагося, а рядомъ съ этимъ строгость и полную искренность не только въ одобреніи и поощреніи, но, когда это нужно было, и въ критикѣ или внушеніи, то станутъ еще болѣе понятными та преданность и привязанность, которыми платили Владимиру Ивановичу его ученики за его о нихъ заботу и теплое къ нимъ отношеніе. Приходя къ нему, въ истинноученую обстановку его кабинета съ заваленными книгами столами и перегруженными книжными полками, мы, благодаря необычайной простотѣ и благодушію хозяина, чувствовали себя почти какъ дома, и многіе широко пользовались великодушнымъ разрѣшеніемъ Владимира Ивановича не только разсматривать и перебирать его книги, но пользоваться ими и даже брать ихъ къ себѣ на домъ— явно въ ущербъ его личному удобству. Въ этомъ отношеніи доброта и великодушіе Владимира Ивановича были поистинѣ удивительны, и онъ за нихъ, конечно, платился. Сплошь и рядомъ онъ, нуждаясь въ какой-либо книгѣ, забранной его слушателемъ, и не находя ее у себя, принужденъ былъ ее выписывать изъ университетской библіотеки...

Для пріема своихъ учениковъ, обоюднаго сближенія и бесѣдъ съ ними Владимиръ Ивановичъ устроилъ у себя вечернія собранія по субботамъ. Постепенно эти вечера расширились и оживились участіемъ въ нихъ не только профессоровъ и ученыхъ—ближайшихъ товарищей Владимира Ивановича (В. Г. Васильевскій, И. П. Минаевъ, бар. В. Р. Розенъ, Л. Н. Майковъ, Страховъ и друг.), но и другихъ многочисленныхъ почитателей его изъ среды писателей и общественныхъ дѣятелей. Интересъ этихъ собраній, столь достопамятныхъ и незабвенныхъ для учениковъ Владимира Ивановича, возрасталъ періодами въ зависимости отъ происходившихъ крупныхъ событій въ русской и славянской жизни, напримѣръ, во время и послѣ балканскихъ движеній и турецкой войны 1876—78 годовъ, и отъ посѣщенія ихъ славными дѣятелями науки и литературы.

Такъ, оставили во мнѣ, какъ, думается, и въ другихъ, неизгладимое впечатлѣніе вечера съ Ѳ. М. Достоевскимъ (въ концѣ 1870 гг.), приковывавшимъ къ себѣ общее вниманіе своею интересною личностью и своими вдохновенными и блестящими импровизаціями. Собранія эти, приносившія не малую пользу ученой молодежи, группировавшейся около своего учителя, сыграли также, несомнѣнно, свою роль въ образованіи и развитіи «школы» В. И. Ламанскаго.

Какъ ни увлекался Владиміръ Ивановичъ своими славянскими изученіями и работами, своими публицистическими выступленіями, текущими славянскими дѣлами и современностью,—въ 1887—1888гг. онъ съ любовью редактировалъ «Славянскія Извѣстія» (органъ славянскаго благотворительнаго общества), въ которомъ самъ много писалъ,—однакожъ его сильно влекло снова и въ ту область, которой онъ посвящалъ и въ ранніе годы много силъ и вниманія и для которой онъ и въ эти 80-е—90-е годы продолжалъ трудиться въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ, какъ предсѣдатель этнографическаго отдѣленія. Эта область была русская или русско-славянская этнографія въ самомъ широкомъ ея значеніи. Успѣхи русской науки, литературы и образованности въ направленіи всесторонняго отечествовѣдѣнія особенно близко принимались имъ къ сердцу. Его постоянно занимала и удручала мысль, что въ этомъ смыслѣ, какъ и въ области русскихъ историческихъ изученій, у насъ дѣлается крайне мало, и онъ носился съ планами всячески содѣйствовать такимъ начинаніямъ. Въ сферѣ этнографіи ему и удалось сдѣлать многое созданіемъ прекраснаго ученаго изданія «Живая Старина», ставшаго органомъ этнографическаго отдѣленія, и въ этомъ—великая и приснопамятная его заслуга.

Чтобъ вполнѣ охарактеризовать только что отмѣченныя высокія и благородныя стремленія и тяготѣнія Владиміра Ивановича и вообще для обрисовки его личности я позволю себѣ,—за что читатель, надѣюсь, на меня не посѣтуетъ,—привести здѣсь, въ заключеніи своего очерка, три письмеца изъ собранія писемъ ко мнѣ Владиміра Ивановича, которыя кажутся мнѣ особенно интересными и характерными.

Письмо отъ 17-го марта 1889 года.

Добрѣйшій Константинъ Яковлевичъ,

Простите пожалуйста, что поздно откликаюсь на ваше милое письмо. Я не жалѣю, что годъ съ небольшимъ занимался «Славянскими Извѣстіями», но теперь радъ и очень доволенъ, что ихъ бросилъ. Современностью славянской скучно долго заниматься, да и все одно и то же. Быть можетъ, осенью надумаюсь, если лѣтомъ приготовлю одну-другую статью, издать «Сборникъ» и тогда обращусь къ вамъ и другимъ друзьямъ и пріятелямъ съ просьбою о статьяхъ [1]).

[1]) Мысль о сборникѣ статей въ то время, впрочемъ, не была осуществлена. Но впослѣдствіи въ извѣстной степени ея воплощеніемъ явился тотъ академическій Сбор-

Одна статья или, лучше, тема давно меня разбираетъ. Недавно мнѣ пришла мысль развить ее слегка въ нашемъ филологическомъ обществѣ, выслушать замѣчанія и возраженія, дабы легче было потомъ писать въ маѣ и іюнѣ. Тема вотъ какая: О темныхъ и слабыхъ сторонахъ нашей литературы и о томъ, что бы нужно и что можно сдѣлать для ея подъема?

«Здѣсь постараюсь обратить вниманіе на ограниченность и узкость такъ называемаго русскаго національнаго направленія, утвердившагося у насъ со временъ Каткова, но не о сферѣ внѣшней и внутренней политики буду распространяться, а объ области просвѣщенія. Катковскій взглядъ на русское просвѣщеніе всего лучше выразился въ его проектѣ университетской реформы и изуродованіи нашего факультета.

«Никакими, конечно, желаніями, никакою сознательною и строго-обдуманною дѣятельностью нельзя породить талантовъ творческихъ ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ. Но наука, помимо творчества геніевъ и особенно сильныхъ талантовъ, нуждается въ массѣ наблюденій, строго опредѣленныхъ извѣстными правилами, и изслѣдованій предварительныхъ, по точнымъ пріемамъ. Эти наблюденія и изслѣдованія могутъ быть совершены по указаніямъ и предписаніямъ людьми, къ тому приготовленными. Обязанность государства помогать такимъ изысканіямъ, поддерживать, вызывать и вести. Таковы астрономическія опредѣленія и картографія, геологическія изысканія, метеорологическія наблюденія. Такого рода обязанность имѣетъ государство и по отношенію къ отечественной исторіи, археологіи и проч. И у насъ сознается—нашъ Эрмитажъ, археологическая комиссія, наши архивы и археографическія комиссіи въ Петербургѣ, Кіевѣ, Вильнѣ.

«Но что у насъ по исторіи дѣлается въ настоящее время? Что дѣлается въ Англіи—Master of Rolls, во Франціи, въ Италіи, въ Германіи, даже въ Венгріи, даже въ Галиціи, и какъ сравнительно слаба и ничтожна теперь дѣятельность наша по изученію русской исторіи или исторіи русской литературы (нѣтъ доселѣ изданія одного вида и характера, съ одною программою—нашихъ древнихъ памятниковъ!). Изданія русскаго историческаго общества почтенны, но они относятся преимущественно къ XVIII вѣку. Но въ Европѣ сверхъ государства много дѣлаютъ и земства и частные люди. Сверхъ изданія новыхъ или переизданія уже напечатанныхъ, но дурно или несистематически, источниковъ, нужны еще періодическія въ родѣ Archiv'а нѣмецкаго, разныхъ итальянскихъ Archivio, англійскихъ и французскихъ Revue историческихъ, да и нужна подробная библіографія и т. д.

«Мнѣ хочется намѣтить еще нѣсколько вопіющихъ нуждъ нашей литературы. Нужно выработать извѣстныя программы работъ нашихъ по русской, славянской, византійской и проч. исторіи. Указать хочется и на нѣкоторыя другія явленія нашей скудости и на разные способы исправленія [1]).

«Слава Богу, есть большая вѣроятность, что съ будущаго академическаго года историко-филологическій нашъ факультетъ будетъ преобразованъ, то есть возстановленъ по-старому съ классическимъ и проч. отдѣленіями съ 3-го курса.

никъ статей по славяновѣдѣнію въ трехъ выпускахъ (1904—1910 гг.), который, по почину Владимира Ивановича, уже какъ академика, былъ изданъ академіей наукъ—въ нѣкоторой связи съ съѣздомъ славянскихъ филологовъ, при участіи какъ русскихъ, такъ и славянскихъ ученыхъ.

[1]) Всѣ эти и подобныя мысли были развиты нѣсколько позднѣе Владимиромъ Ивановичемъ Ламанскимъ отчасти въ «Предисловіи »къ 1 кн. основаннаго имъ изданія «Живая Старина» (1890 г.), отчасти въ статьѣ «Три міра» («Слав. Обозр.» 1891 г.).

«Очень радъ, что вы кончили или кончаете вашу диссертацію, но жалѣю, что не сообщили, какіе года и моменты вы выбрали? А. Л. Петровъ поѣдетъ въ іюнѣ въ Прагу и Вѣну—въ иститутъ, занимается XIII вѣкомъ чешской исторіи, займется, конечно, и венгерской исторіей.

«Въ концѣ апрѣля разсчитываю покончить съ экзаменами въ духовной академіи и съ лекціями въ университетѣ и уѣхать на покойныя работы, не прерываемыя никакими засѣданіями и выѣздами въ гости и въ комиссіи, общества и проч.—въ Боровичи, гдѣ у меня теперь цѣлая библіотека и куда еще забираю съ собою много всякихъ книгъ».

Въ концѣ письма, разсказавъ о своихъ дѣтяхъ и ихъ успѣхахъ, Владиміръ Ивановичъ прибавляетъ: «Но страшно подумать, какъ мучатъ дѣвочекъ въ гимназіи. Просто безсовѣстно такъ занимать дѣтей по вечерамъ. Пора, давно пора подумать о пересмотрѣ программъ и пріемовъ преподаванія въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ, да и въ мужскихъ не мало дикостей».

Другія два письма касаются изданія «Живой Старины», явившейся плодомъ отмѣченныхъ выше стремленій, думъ и заботъ Владиміра Ивановича о пользахъ русской науки и литературы, и свидѣтельствуютъ о томъ увлеченіи и той энергіи, съ которыми онъ приступалъ къ этому дѣлу, какъ оно и заботило его, и радовало.

23-го марта 1890 г.

«Многоуважаемый Константинъ Яковлевичъ,

«Очень благодаренъ вамъ за письмо и за пріобрѣтеніе подписчиковъ. Наша «Живая Старина» состоится. Только въ нынѣшнемъ году выпустимъ не четыре, а двѣ книжки. Подписчики, внесшіе 5 рублей или 5½ рублей, получатъ всѣ четыре — первыя двѣ за 1890 года и вторыя двѣ за 1891 годъ. На этой недѣлѣ ужъ мы нѣсколько организовали редакцію. Помощникомъ или товарищемъ моимъ будетъ доцентъ санскритскаго яз. ученикъ Минаева С. Ѳ. Ольденбургъ, въ родѣ секретаря будетъ Половинкинъ, славистъ, аккуратнѣйшій и исправнѣйшій человѣкъ.

«Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, Романовъ въ Витебскѣ, уже не спрашивая нашего согласія, напечаталъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» чуть ли не цѣликомъ наше заявленіе о «Живой Старинѣ». Просить не смѣю, но ничего не имѣю противъ и даже лично буду радъ и благодаренъ, если «Варшавскій Дневникъ» и «Филологическій Вѣстникъ» тоже напечатаютъ что найдутъ нужнымъ изъ заявленія и прибавятъ и отъ себя свои пожеланія и указанія, чего они отъ насъ ждутъ. Поблагодарите отъ меня всѣхъ за сочувствіе и передайте всѣмъ знакомымъ поклонъ.

«Вашъ В. Ламанскій».

Наконецъ еще черезъ годъ, въ апрѣлѣ (25-го) 1891 года, Владиміръ Ивановичъ писалъ:

«Любезнѣйшій и добрѣйшій Константинъ Яковлевичъ,

«Поздравляю васъ съ праздникомъ и сердечно желаю вамъ и всему семейству вашему добра и благополучія и благодарю васъ очень за вашъ лестный отзывъ о «Живой Старинѣ» въ «Дневникѣ» и за статью о Шапкаревѣ. Она пойдетъ уже въ 4-ю книжку. «Живая Старина» меня очень

занимаетъ; я отдался ей съ полнымъ увлеченіемъ. Подписчиковъ, увы, еще мало—за 340, кажется, уже дошло до 350. Вторая и третья книжки стоятъ не дорого, по 500 рублей съ бездѣлицей, а первая (въ 2.000 экземпляровъ въ дорогой, хотя и дурной типографіи) вмѣстѣ съ разсылкой даровой и разсылкой программъ стоила дорого—1.100 рублей слишкомъ. Всѣ у насъ трудятся даромъ. Только одинъ молодой человѣкъ—держитъ большую часть первыхъ корректуръ—получилъ и то пока всего 100 руб. Дорого стоитъ пересылка (4 кн.—80 коп.) и книжка слишкомъ велика—и потому дорога. Впрочемъ, если къ декабрю-январю прибавится еще 150 подписчиковъ, то второй годъ можно считать обезпеченнымъ.

«Журналъ у меня беретъ много времени, но я нынче какъ-то сумѣлъ справиться съ дѣломъ. Нынче засиживаюсь за новую еще работу, за цѣлый большой и страшный трудъ, впрочемъ, по частямъ давно, давно уже веденный. Ужасно бы хотѣлось хорошенько и до конца его обдѣлать, конечно, на первый разъ полной равномѣрности въ немъ не можетъ быть. Что это такое—пока секретъ [1]).

«Кажется, «Живая Старина» улучшается, второй выпускъ лучше перваго, третій лучше, кажется, второго. Слабъ отдѣлъ критики и библіографіи, но просишь, просишь—обѣщаютъ и не даютъ. Мало охотниковъ писать даромъ. Я и В. за то продернулъ во второй книжкѣ, былъ просто на него сердитъ за то, что мнѣ сказалъ: «Вѣдь вы гонорару не дадите?» По-моему, это просто... Разсчитываю теперь на выписку журнала въ библіотеки гимназій и другихъ учебныхъ заведеній; разошлемъ на дняхъ циркуляръ въ разные ученые комитеты—прахъ ихъ возьми,—учительоств само бы, кажется, могло понять пользу такихъ изданій. Всего замѣчательнѣе, что въ провинціи есть подписчики даже между учителями городскихъ училищъ, а ни одинъ учитель гимназіи въ Петербургѣ не подписался на нашъ журналъ. Изъ бѣлаго духовенства только двое: одинъ священникъ (профессоръ духовной академіи) въ Петербургѣ, другой въ Г-мъ уѣздѣ и одинъ изъ чернаго—архимандритъ въ Москвѣ (Арсеній). Да еще Наумовичъ и Николаевскій въ Вѣнѣ. Тоже и высокопоставленныя лица: Д. Милютинъ, Бунге, вашъ дядя [2]), Ровинскій и еще два-три человѣка; ни одинъ министръ, ни одинъ попечитель, за исключеніемъ Яновскаго и Лавровскаго. Въ четвертой книжкѣ я думаю помѣстить эти любопытные выводы.

Вскорѣ думаю уѣхать изъ Петербурга, куда въ концѣ мая опять пріѣду на два послѣдніе государственные экзамена. Лѣтомъ мнѣ еще предстоитъ удовольствіе искать новую квартиру и перевозить вещи и книги. Въ іюнѣ разсчитываю съ Володей съѣздить въ Москву на выставку и затѣмъ по Смоленской дорогѣ въ Бѣлую Русь. Хочется побывать въ имѣніи Куторги (близъ Мстиславля), поискать тамъ писемъ Прейса и переглядѣть различныя его бумаги и замѣтки. Не правда ли, его письма (3 кн.) интересны?

«Очень радъ, что вы не оставляете исторіи Венгріи. Статьи вашей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» еще не прочелъ.

«Передайте мой поклонъ Будиловичу, Зигелю, Кулаковскому. Скажите

---

[1]) Надо думать, что здѣсь разумѣется начало труда Владимира Ивановича надъ кирилло-меѳодіевскимъ вопросомъ, который его долго занималъ, надъ которымъ онъ работалъ долго, хоть и урывками. Замѣчательная часть этого не доведеннаго до конца изслѣдованія появилась только въ 1903 году (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.») подъ заглавіемъ «Славянское житье св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и историческій источникъ».

[2]) К. К. Гротъ, членъ Государственнаго Совѣта.

Зигелю, что былъ бы ему очень благодаренъ, если бъ онъ опять побывалъ у меня (въ Боровичахъ), но только подольше, чѣмъ въ прошломъ году. Мнѣ надо бы было его поэксплоатировать для моего труда по части права. Такъ ему и скажите.

«Женѣ вашей нижайшее почтеніе.

«Душевно вамъ преданный В. Ламанскій».

«Вчера Василій Григорьевичъ Васильевскій опять прихворнулъ. Совсѣмъ нехорошо болѣетъ Кояловичъ. Я видѣлъ его въ середу на Страстной—нашелъ его весьма худымъ. Сегодня былъ у меня Пальмовъ, видѣвшій его въ воскресенье; говоритъ, что ничего не лучше.

Къ сожалѣнію, въ этой небольшой поминкѣ я не имѣю возможности даже слегка коснуться еще многихъ важныхъ сторонъ и моментовъ многообразной и плодовитой ученой, публицистической и общественной дѣятельности Владимира Ивановича. Такой широкой и богатой темы не обнять вообще въ журнальной статьѣ или біографическомъ очеркѣ. Достойно описать и охарактеризовать жизнь, труды и огромное духовное наслѣдіе почившаго ученаго и дѣятеля—задача большая, сложная, но и благодарная, требующая не только основательнаго изученія, но и любви и одушевленія къ предмету. Такая біографія, широко построенная, была бы вмѣстѣ съ тѣмъ исторіей цѣлой интереснѣйшей и важной эпохи нашего культурнаго и національнаго развитія, въ которой покойный занимаетъ такое центральное, видное и почетное мѣсто. Надо желать, чтобъ за такой трудъ взялся кто-нибудь, на него способный, пока еще обильны сохранившіеся въ архивѣ покойнаго и у современниковъ матеріалы, свѣжа память и живы воспоминанія. Подъ талантливымъ и искуснымъ перомъ Ламанскій и его жизнь станутъ для всѣхъ яркой и увлекательной страницей русской культурной исторіи XIX вѣка.

